

К.и.н., доцент ГГАУ Гутиева
М.А.

Летопись национальной трагедии России (страницы истории белого движения)

М.А. Гутиева

Гражданская война со всеми ее последствиями стала грандиозной национальной трагедией для всей России, всех россиян, независимо от национальности и вероисповедания. Стремление двигаться вперед без учета прошлого всегда чревато опасными последствиями. Эта война расколола Россию на два лагеря.

К освещению Гражданской войны каждая историческая школа и ее конкретные представители подходили с разных позиций. Западные специалисты, которым большую помощь оказали эмигранты из России, охотно критиковали большевиков, советскую власть и Красную Армию. При этом они преднамеренно умалчивали о преступлениях белогвардейцев и тех, кто им помогал и сочувствовал. Отечественные историки, как правило, преднамеренно и талантливо «лакировали» проблемы в деятельности большевиков, Красной Армии, создавая многочисленные образы «пролетарских героев», «красных командиров».

Историческая наука советского периода оказалась односторонним летописцем этого отчаянного противостояния. Одномерные оценки роли белого движения в судьбах России отлучили нас от той простой истины, лежащей на поверхности, что развивалось это движение, хотим мы это признавать или нет, как патристическое. Были в этом движении самопожертвование и провокация, предательство и героизм. Но одно следует признать бесспорно: и белая армия, и белое казачество, и генералы, и рядовые этого движения любили Россию по своему и защищали как могли, как понимали свой долг и верность присяге. История их расцвела. Поспешно порой и бескомпромиссно.

Не раз еще придется нам возвращаться к «делам давно минувших дней», только ключ разумения того, «как любили, ненавидели, страдали и радовались», открыл бы нашему современнику истинную правду одного из самых сложных периодов жизни многострадальной России – белого движения.

Прав профессор В.Д. Дзидзоев, который по этому поводу пишет: «Спустя 80 лет после трагических событий, связанных с Гражданской войной на Северном Кавказе, необходимо без идеологических пристрастий, объективно, с научных позиций рассказать страшную правду о количестве людей, погибших от белого и красного террора. Вероятно, количество жертв террора с абсолютной точностью мы уже не узнаем» [1].

Сегодня научный мир располагает информацией о пополнении архивов России зарубежными документами по истории Гражданской войны и эмиграции. Среди них – материалы австрийских архивов; копии документов юридического характера, освещающих различные стороны жизни и деятельности русских эмигрантов в Китае; комплекс интереснейших материалов, выявленных в 23 архивах Болгарии; материалы из Монголии.

Официальное начало белого движения в эмигрантской литературе датируется конкретно – 2 ноября 1917 года, когда генерал М.А.Алексеев прибыл в Новочеркасск и тотчас же приступил к формированию контрреволюционных сил. Эти силы вскоре, 25 декабря того же года, получили название Добровольческой армии. «2 ноября 1917 года» – стоит и на ме-

дали, выпущенной эмигрантским Обществом ревнителей русской военной старины в 1967 году, к 50-летию начала Гражданской войны. Уже 8 января 1918 года, во время совещания на станции Торговая, между А.И.Деникиным и П.Н.Красновым было достигнуто соглашение о создании «Вооруженных сил Юга России (ВСЮР)», в состав которых первоначально вошли Добровольческая армия и Донская белогвардейская армия. Позднее ВСЮР включили в себя и другие крупные белогвардейские вооруженные объединения – Крымско-Азовскую армию, Кавказскую армию и др. Главнокомандующим ВСЮР со дня образования, 8 января 1918 года, до 4 апреля 1920 года был А.И.Деникин. Его сменил на этом посту П.Н.Врангель. После новороссийской катастрофы остатки белогвардейских войск бежали в Крым, где 28 апреля получили новое название – Русская армия. К маю 1920 года они насчитывали, по свидетельству самого П.Н.Врангеля, 40 тысяч активных штыков и сабель [2]. Общее же число лиц, имевших отношение к белому движению в Крыму, вместе с тылами, гражданскими учреждениями, семьями, было в несколько раз больше. В начале ноября 1920 года врангелевская армия эвакуировалась из Крыма, на 126 судах было вывезено 145693 человека военных и гражданских, с семьями [3]. «Плавучая Россия», как назвал это скопище судов какой-то досужий, не лишенный остроумия журналист, стала на рейд Константинополя. Армия в составе 3-х корпусов: Добровольческого, Донского и Кубанского – более 65 тысяч человек – сидела на судах. На этом организованная борьба белой гвардии с советской властью завершилась. Не их вина в том, что подняли оружие друг на друга. Гражданская война – трагедия народа и его самоистребление – не может быть оправдана никакими, даже самыми высокими идеалами. В этой войне не оказалось победителей: все проиграли. Напрасными оказались все страдания, все жертвы. Напрасно шквал яростного противостояния разметал людей, обрекая многих на нищету, безысходную тоску по потерянной Родине. Не стали исключением и осетины.

В начале XX века российский всенацио-

нальный офицерский корпус был представлен 30-40 тысячами человек [4]. Определенное число среди них составляли осетины. Если исходить из численности русской армии, может быть, это число мизерное, но если учесть малочисленность осетинского народа и сопоставить с количеством офицеров, итог оказывается представительным. Благодаря этому роль офицерства в осетинском обществе была заметной. Среди образованной части населения доля лиц, имеющих офицерские чины, была преобладающей. В целом среди мужского населения Осетии доминирующей была воинская служба. Так, до второй половины XIX века в Тагаурии было 157 офицеров [5]. Интересно отметить, что к 60-м годам XIX века в одной только фамилии Дударовых насчитывалось около 70 офицеров. Это все были люди, получившие хорошее военное образование.

Осетинский офицерский корпус, на протяжении двух с лишним столетий входивший в состав русской армии и служивший, как и вся армия, опорой российской государственности, фактически погиб вместе с нею в развившейся в начале века катастрофе. Неся существенные потери в русско-японской и первой мировой войнах, офицерство как социальный слой российского общества перестало существовать в Гражданскую войну. Несколько десятков тысяч офицеров российской армии рассеялись по всему миру, а с оставшимися в России было, в основном, покончено к началу 30-х годов [6]. Жизнь большинства из тех, кто стал эмигрантом, была сложной, судьбы складывались диаметрально противоположно, подчас трагично. Многие из них закончили свои дни нищеты. К слову сказать, генерал М.Ф.Квиницинский работал сапожником в Швеции, генерал Тынов закончил свою карьеру чистильщиком обуви. Генерал И.Г.Эрдели и адмирал Г.К.Старк работали в Париже таксистами [7]. Но это особая тема.

Наша задача – вернуть утраченные имена осетин-офицеров. Таких имен множество, и все они должны найти свое место в истории народа. Среди них – Владимир Константинович Агоев, генерал-майор. Родился в 1885 году в станции Новоосетинской, в семье офицера Терского казачьего войска. Окончил реальное училище принца Ольденбургского, а

затем Александровское военное училище. Участник первой мировой войны, совершил ряд подвигов. Имя его неоднократно упоминается в приказах по армии. Среди многочисленных наград грудь его украшал величественный символ храбрости и величия духа – заветный Георгиевский крест. Спокойный, распорядительный, бесстрашный офицер, он хорошо чувствовал себя там, где больше опасности.

Двадцать второго марта (4 апреля) 1920 года Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) был назначен генерал-лейтенант Врангель. Командиром первой Терской казачьей дивизии при Кавказской армии стал Владимир Агоев. Надо полагать, это назначение было не случайным, а хорошо продуманным, с учетом всей серьезности сложившегося положения. Среди значительного количества храбрых и преданных России осетинских офицеров выбор пал на одного из самых талантливых военных стратегов, сочетающего в себе высокую культуру и образованность, верность долгу и безграничную любовь к России.

Двадцать восьмого апреля (11 мая) Врангель отдал приказ о переименовании своего воинства в «Русскую армию». Названия «Добровольческая армия» или «Добровольческий корпус» упразднились, чтобы положить конец разъединению внутри армии. Теперь все войска, не исключая и казачьих частей, составляли единую армию, подчиненную одному вождю и одним законам. «В лице Врангеля старая Россия, поддержанная французским капиталом, делала последнюю ставку в своей смертной борьбе с Октябрьской революцией» [8].

Но битва была проиграна. Превратившись из «спасителей Отечества» в несчастную толпу беженцев, эти добровольцы – краса и гордость белого стана, мечтавшие о блаженном времени, когда они будут нести почетную гарнизонную службу в царственном Кремле, – были размещены цыганским табором на Галлипольском полуострове, в Дарданеллах. Кавказская армия в составе Кубанского корпуса попала на о.Лемнос. Условия содержания беженцев были почти одинаковые везде. Одинаково ужасные. Современник и участник этих событий впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Согласно расположению француз-

ских властей, русским запрещалось квартировать в обитаемых турецких зданиях, для жительства казакам отвели несколько скотских хлевов и сараев, в которых разводили шелковых червей. Хлевои и сараев, однако, не хватало... Тысячи людей валялись прямо на грязных улицах отвратительной восточной деревни. Кое-где горели костры. Возле них лежали и бродили измученные и истерзанные казаки и офицеры самых различных частей и учреждений... Еще только пригревало солнце, а в мрачные дни едва обозначался рассвет, тысячи людей вылезали, как мыши, из смрадных нор или поднимались с грязных площадей, с развалин, с порогов турецких жилищ и, мучительно расправляя свои ноющие конечности, отправлялись на скаты холма или на дно оврага «гонять вошатву» – нынешнего главного врага армии Врангеля. Холодное время не позволяло ни обмываться в протекавшей по дну оврага речке, ни вымыть и высушить белье, которое многие не сменяли целые месяцы... Никакие распоряжения начальства русского и французского, ни даже угроза стрельбою, не могли заставить отупелую, безразличную ко всему, орду соблюдать хотя бы самые элементарные правила гигиены. Вокруг и рядом все было загажено. Разумеется, эпидемические заболевания не заставляли себя долго ждать» [9]. В довершении к этому кошмару по лагерям беженцев поползли слухи, что союзническая Франция не намерена далее кормить армию Врангеля, и с 1 апреля выдача довольствия прекратилась, а каждому чину русской армии предоставляется выбор: или выехать в Советскую Россию, или в какие-то другие страны, или перейти на собственное иждивение. 30 марта из «железных рядов русской армии» выбыло 7000 человек. Они уезжали назад на Родину, где их могла ждать справедливая суровая кара, но тюрьма дома пугала их меньше, чем врангелевский лагерь. Болгария дала согласие на прием 1000 человек тоже для разных общественных и государственных работ. Французы, спешившие поскорее избавиться от лишних ртов, сами брались перевозить людей. Что ни день, то на столбах появлялись объявления о записи в материковую Грецию, туда то звали собирать маслины, то приглашали разных специалистов в Афины и

Патрос. Непрестанно шла самовольная утечка на все греческие острова. Около 2000 уехало в Баку. Напоследок французы снарядили пароход в Бразилию. Желаящих отправиться в неведомую даль оказалось несколько сотен. Вместе с ними был и Владимир Агоев. О том, какая участь постигла «бразильцев», небезынтересно привести выдержку из статьи «Как нас хотели сделать рабами». «Наказали нам дорогой друзья-французы про эту Бразилию – умирать не надо, поработайте год, другой и сами помещиками станете. Три месяца блуждали мы по разным морям. Наконец увидели американский берег. Радости не было конца. Иные уже с парохода отмеряли участки на берегу моря. Высадили нас, пересчитали, заперли в скотские вагоны и повезли в город Сан-Паоло. Там нагрянули к нам бразильские власти, объяснили, – так и так – вас привезли для работы на кофейных плантациях, – заключайте контракты с хозяевами». Все взбунтовались, ситуация выходила из-под контроля, и тогда было принято решение вернуть людей назад на острова. Пароход взял курс на Турцию, но на нем не было ставшего в эмиграции атаманом Терского казачьего войска Владимира Константиновича Агоева. Он был убит еще при посадке на пароход, при невыясненных обстоятельствах. Последним пристанищем мятежного генерала стала морская бездна, где, как поется в старинной песне, «прорастают кораллы меж пальцев раскинутых рук» [10].

Многие покинувшие родину оказались в странах Европы, Америки, Азии. Первый поток эмигрантов – казаков-осетин был вызван поражением восстания Бичерахова в ноябре 1918 года. Ко второму можно отнести эмигрантов из числа разгромленной армии Деникина весной 1920 года [11]. Последний поток – после разгрома армии Врангеля в ноябре 1920 года. Кто-то уехал, не захотев принять новую власть, кто-то, чувствуя свою вину, уходил от ответа, кто-то не захотел расставаться с мужем, с сыном или братом. Каждый уходил со своей правдой, унося с собой в неизвестность тоску по Родине [12].

Среди эмигрантов были генерал-лейтенанты Д.К. Абадиев, Л.Ф. Бичерахов, генерал-

майоры В.К. Агоев, Г.П. Татонов, Я.В. Хабеев, полковники П.В. Байтуганов, П.В. Занкисов, К.С. Лотиев, Г.К. Тугуев, С.И. Тускаев, Г.И. Цугулиев, К.К. Акоев, К.А. Акоев, К.А. Гапузов, Г.Г. Дотцов, А.А. Мистулов, К.Н.Гульдиев, офицеры Г.Н. Аркалов, А.К. Валаев, А.А. Кишионов, Н.В. Вазагов, Г.М. Гокинаев, К.А. Галаев, М.А.Дзарагазов, В.М.Есеев, А.К. Иванов, Г.Я.Кургосов, братья Дзанчек и Гена Мистуловы, Р.И.Сагутонов, П.С. Сеоев, Е.К.Сансиев, В.К.Тугуев, С.А.Хатаев, братья Михаил, Василий и Виктор Агоевы, Н. Байтуганов, В.Гульдиев, Н.Дотцов, Н. Каргинов, Т.Лотиев, братья Сосиевы Виталий и Александр, Е. Собиев, Б. Габеев и многие, многие другие. Среди эмигрантов были даже юноши и подростки из кадетских и военных училищ (юнкера), эвакуированные в составе этих училищ в Европу и Азию. Были и женщины – жены эмигрантов.

Однозначно охарактеризовать всех эмигрантов нельзя. Большинство из них были активными участниками Гражданской войны. Многие командовали подразделениями, отрядами и частями белой армии. В числе эмигрантов был последний атаман Моздокского отдела Терского казачества Павел Васильевич Байтуганов. Были командиры полков и бригад белой армии. Абсолютное большинство эмигрантов были патриотами России, любили свое Отечество и родную Осетию. Однажды дав присягу на верность Отечеству, они до конца жизни честно, мужественно выполняли свой воинский долг. И не вина их, а беда, их драма и трагедия, что они оказались по ту сторону баррикад и расплачивались тяжелой, трудной, несчастной жизнью вдали от родины [13].

Для эмигрантов это было время многочисленных человеческих драм, сливавшихся и терявшихся в одной общей и великой драме «белого движения». Десятки тысяч офицеров и солдат – павших и уцелевших – сохраняли незапятнанную совесть. «Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов развратного времени, умели все же жертвовать другим – они отдавали свои жизни» [14].

В память о погибших в Галлипполии на вершине одного из холмов был построен па-

мятник. Приказом объявлялось: каждый обязан возложить на братскую могилу камень весом не менее десяти килограммов. Было возложено 24 тысячи камней и прикреплена надпись о том, что первый корпус русской армии оставляет здесь своих братьев-воинов, в борьбе за честь родины наших вечный покой на чужбине в 1920 – 1921 годах [15]. Кто теперь знает, сколько осетинских сердец остановилось на этой далекой земле. Трудно удержаться, чтобы не привести обширную цитату из «Очерков русской смуты» А.И. Деникина: «Черные страницы армии, как и светлые, уже принадлежат истории. История подведет итоги нашим деяниям. В своем обвинительном акте она исследует причины стихийные, вытекавшие из разорения, обнищания страны и общественного упадка нравов, и укажет вину: правительства, не сумевшего обеспечить армию; командования, не справившегося с иными начальниками; начальников, не умевших (одни) или не хотевших (другие) обуздать войска; не устоявших против соблазна; общества, не хотевшего жертвовать своим трудом и достоинством; ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы – «от благодарного населения» – и потом забросавших армию камнями... Поистине, нужен был гром небесный, чтобы заставить всех оглянуться на себя и свои пути» [16].

В 1921 году казацки генералы Шкуро и Бичерахов вновь попытались сформировать отряды казаков для активной борьбы с Советской Россией. Но эта попытка не удалась. В те дни советское правительство объявило амнистию эмигрантам, и многие стали возвращаться на Родину. Среди них были подьесаул Михаил Соев, хорунжий Джимо Малтызов, рядовой казак Н. Мугуев, юноши-юнкера Павел и Петр Сосиевы и другие. К сожалению, все возвращенцы в 30-х годах были арестованы. М. Соев в 1937 году вместе с сыновьями Захаром, Михаилом и Константином был расстрелян. По доносу погибли Павел и Петр Сосиевы.

В 1922 году врангелевская армия в Болгарии была распущена, эмигранты разбрелись по Болгарии, стали нищенствовать, превратились в чернорабочих, батраков, официантов, мелких торговцев и т.д. Полковник Георгий

Цугулиев вместе с прапорщиком Василием Соевым в г. Софии открыли небольшую мастерскую и вдвоем делали мраморную крошку, испытывали большие трудности и умерли в нищете. Немногим лучше складывалась судьба других эмигрантов – осетин.

В Югославии среди эмигрантов оказались три брата Тугуевых. Старший брат полковник Георгий Тугуев был ветераном первой мировой войны и русско-японской войны, за мужество и храбрость был неоднократно отмечен. Умер в Сербии. Средний брат Савелий служил в белой армии в Югославии. Младший брат Василий был чиновником, работал в старой России в министерстве иностранных дел, служил в посольствах, знал около десятка иностранных языков. Здесь же, в Югославии, находились есаул Д.А. Мистулов с двумя сыновьями, один из которых был назван в честь родного дяди генерала Эльмурза Мистулова. Среди представителей осетинской военной интеллигенции Эльмурза Асланбекович Мистулов был известен как потомственный военный. Он родился в 1869 году в семье офицера ТКВ.

В 1953 году в Нью-Йорке в серии публикаций о казачестве появилась брошюра полковника Ф.И. Елисеева «Генерал Эльмурза Асланбекович Мистулов (ко дню 35-летия его трагической смерти (1869-1918 гг.))». Как адъютант Мистулова, автор дает своему командиру удивительно теплую и точную характеристику, заслуживающую внимания. Ниже мы приводим цитаты из брошюры. «Когда двух чеченцев, особенно отличившихся своей храбростью, спросили жители их аула: «Знают ли они кого-либо, кто может превзойти их в отваге и мужестве?» – они, не задумываясь, ответили: «Если вы хотите видеть действительно храброго человека, то поезжайте в станицу Черноярскую. Там живет терский казак – осетин Эльмурза Мистулов». Высокий ростом, тонкий в талии и широкий в плечах, он особенно удивлял своею храбростью» [17]. При этом они рассказывали о его подвигах в русско-японскую войну 1904-1905 гг., когда были под его командованием в сотне Терско-Кубанского военного полка, составленного из горцев Кубани и Терека. Русско-японскую войну Мистулов закончил в чине есаула. Как про-

славленный герой, получивший абсолютно все боевые ордена по своему чину обер-офицера – от Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом до офицерского Георгия, он был представлен самому императору Николаю Александровичу в Петербурге. В мае 1916 года Эльмурза был назначен командиром первого кавказского полка Кубанского казачьего войска. В феврале 1917 года он уехал на западный фронт. Весть о присвоении ему звания генерал-майора застала его в пути.

После революции, по личному желанию, он был переведен в Персию, в Отдельный Кавказский кавалерийский корпус генерала Баратова. Весной 1918 года он вернулся на Терек и поселился в своей родной станице Черноярской. Здесь и застали его грозные события, развернувшиеся в Войске летом 1918 года. После ареста красными командующего Терскими войсками полковника Бочарова на его место в июле был назначен Эльмурза Мистулов. В первом же бою он был тяжело ранен в шею – пуля прошла у сонной артерии и, задев легкое, вышла в верхней части спины. Только 17 октября он смог вернуться в строй. «Абсолютно не имея никакой живой связи с армией Деникина, не зная, что делается вне пределов его войска, окруженный сплошным кольцом красных, Терский фронт, и без того растянутый, стал таять. Наступили холода. Вспыхнула эпидемия тифа. Бесплодность дальнейшей борьбы стала очевидной. И когда был проигран последний бой - он не стал искать себе спасения, как во всю жизнь никогда не искал земных благ. Решение принял твердое и быстрое, как был всегда тверд и решителен в боях. Отойдя с отрядом в станицу Прохладную, 9 ноября 1918 года он пустил себе пулю в голову» [18].

Генерал Деникин в «Очерках русской смуты» (Берлин. 1926. С.10) отмечал: «Командующим Терским фронтом назначен выздоровевший после ранения генерал Мистулов – человек высокодоблестный и честный». Но самую лучшую, глубокую и исчерпывающую оценку душевных качеств Мистулова дает его однополчанин по мирному времени, ставший войсковым атаманом Терского войска, генерал-лейтенант Вдовенко. В своем обстоятельном очерке «Борьба Терских казаков с большевиками в 1918 году», помещенном в журна-

ле «Россия», №11, издававшемся в Париже в 1931 году, он писал: «Смерть генерала Мистулова – очень тяжелая потеря для Войска, человека исключительной храбрости и благородства, прекрасного товарища, которого так все любили и уважали». Посмертное письмо генерала было очень кратким, есть в нем такие строки:

«Мое тело отвезите прямо на кладбище и без всяких излишеств в возможно кратчайший срок предайте земле.

Эльмурза Мистулов» [19].

Можно понять трагедию человека, составляющего гордость российской армии, не однажды рисковавшего жизнью, побеждавшего врагов умением, находчивостью и героизмом. Не его вина, что идея, которой он служил, пришла в полное противоречие с историческими событиями 1917 года.

Революция разметала по миру людей, не принявших ее постулаты. Оказались за границей и родственники опального генерала.

Центром русской эмиграции был Париж. Сюда переехало более 100 осетин. Чтобы выжить, бывшие офицеры становились грузчиками, чернорабочими, швейцарами. Особенно популярной была хорошо оплачиваемая работа таксиста. Таксистами были полковник К.С. Лотиев, есаул Р.И. Сагутонов, капитан А.И. Сикоев и другие. Многие еще ранее попали во французский иностранный легион.

В Осетии в Добровольческую армию вступило 4 конных полка. Начальником экспедиционного отряда был назначен полковник А. Гутиев. «Наиболее деятельную помощь Добровольческой армии, – читаем мы в документах Центрального государственного архива РСО-А, – в ее наступлении против большевиков оказывает известная часть осетин. Руководит этим движением полковник – Угалук Цаликов» [20]. Упоминаются имена полковников Урумова, Акоева, Т. Голиева, Л. Хабаева, С. Икаева и других. Они все были боевые, заслуженные офицеры, получившие свои звания и награды на полях двух войн – русско-японской и первой мировой. Когда отряды Добровольческой армии стали приближаться к Терреку, в роще Хетага состоялся съезд всех осетин, желающих по тем или иным причинам

бороться с большевиками.

Спустя более 80 лет после событий, связанных с Гражданской войной, наступило время для того, чтобы исследователи, освещая эти вопросы, объективно и беспристрастно показали трагедию братоубийства. Все происходящее в белом движении процессы имели место и на территории Осетии. Состав движения был неоднородным, как и цели, стоявшие перед ними в разные периоды. Линия фронта проходила здесь не только на полях сражений, но и в семьях, в людских судьбах, в душах людей. Память обо всех должна быть зафиксирована в истории нашей страны.

Литература

1. **Дзидзоев В.Д.** Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917-1918 годах.– Владикавказ, 1997. С.174.
2. **Белое движение. Начало и конец (воспоминания участников).**– М., 1990. С.475.
3. **Иванов Ю.В., Будберг А.И.** За нас... буржуазия, спекулянты, купечество // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С.22.
4. **Алабин И.А.** Имена, возвращаемые России // Посев. 1994, №1. С.62.
5. **ЦГА РСО-А. ф.29. оп. 1. Д.30. Л.44.**
6. **Белое движение. Начало и конец...** С.485.
7. **Калинин И.М.** Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. – Ростов-на-Дону, 1991. С.52.
8. **Там же.** С.224.
9. **Там же.** С.140.
10. **Заповев Ю.К.** Они умирали в тоске и страданиях по земле предков. Прости их, Родина, если перед тобою они виноваты // Отчизна, № 3 (52). 1998.
11. **Там же.**
12. **Там же.**
13. **Белое движение. Начало и конец.** С.126.
14. **Елекин М.А.** Семь смертных грехов. – Л., 1986. С.504.
15. **Деникин А.И.** Очерки русской смуты. – Берлин. 1926. С.16.
16. **Там же.**
17. **Елисеев Ф.И.** Генерал Эльмурза Асланбекович Мистулов (ко дню 35-летия его трагической смерти. 1869-1918 гг.). – Нью-Йорк. 1953. С.9.
18. **Там же.** С.7.
19. **Там же.** С.9.
20. **ЦГА РСО-А, Ф. 250. Оп. 1. Д.109. Л.23.**

